

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXVII

АФРИКА

(География, история, культура, экономика)

Москва
Главная редакция восточной литературы
1991

О. Г. Герасимов

ПО ДОРОГАМ ВЕЛИКОЙ ПУСТЫНИ

Свою работу в Географическом обществе СССР я начинал с доброго благословения Дмитрия Алексеевича Ольдерогге. В 1971 г., накануне поездки в Южный Йемен, я получил у него подробную инструкцию о том, как собирать коллекции и этнографические сведения. Мне не довелось попасть в то время в Африку, объект специального интереса Д. А. Ольдерогге, но удалось передать некоторые предметы арабского быта в Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР и содействовать организации смешанной советско-южнойеменской комплексной экспедиции. В Африке я оказался лишь в 1984 г., приехав на работу в Ливию. И здесь в числе первых дел я постарался выполнить указания своего учителя. У меня перед глазами стояли русские путешественники, натуралисты и писатели, которые побывали в Африке, и я чувствовал себя в чем-то сопричастным нашим соотечественникам, вложившим много сил, энергии и доброты в изучение этого огромного континента. К числу таких людей я отношу и Дмитрия Алексеевича Ольдерогге.

Время от времени у нас раздаются голоса, что можно прожить без истории. Это неверно и оскорбительно. Ощущение истории лежит глубоко внутри нас, поскольку образ жизни каждого общества, каждого человека определен традициями, зародившимися еще в далеком прошлом. К Африке это относится еще в большей степени, чем к какой-либо другой части света. Именно здесь история играла и играет очень важную роль, так как с ее помощью можно проникнуть в глубь времен и проследить истоки культуры и богатой цивилизации, за исключением, возможно, последних наслоений колониального периода. Вот почему мое желание посетить Гадамес было воспринято с большой заинтересованностью моими ливийскими друзьями. Ведь каждому человеку приятно внимание к истории и культуре его народа. В этом смысле ливийцы не были исключением, и вопреки утверждению об их суровости, нелюдимости и замкнутости

я встретил самое любезное отношение и стремление помочь в организации непростой даже по нынешним нормам — поездки в Гадамес.

Мы выехали из Триполи в Гадамес ранним февральским утром. Наш первый отрезок пути пролегает через поселок Азизию к г. Гарьян и далее вдоль южных отрогов горной цепи Джебель Нефуса до г. Налут, расположенного на высоте 700 м над уровнем моря. Невысокие склоны этого хребта, сложенные известняковыми породами, перемежаются с небольшими долинами, засаженными зерновыми культурами, оливковыми и фруктовыми деревьями. Зелень отдельных, как часовые стоящих кипарисов резко контрастирует с красной отдыхающей землей и голыми плодовыми деревьями.

За Гарьяном мы съехали с обочины и остановились у невысоких сосенок. Пока мои спутники готовили нехитрый завтрак, я пошел бродить по перепаханному полю, вдоль невысоких обрывистых скал, вперив взгляд под ноги в надежде найти что-то интересное. А эта надежда не была беспочвенной. Северная Африка, особенно те районы, по которым мы сейчас путешествуем, служила местом обитания человека еще в глубокой древности.

В 1954 г. итальянский археолог П. Грациози, изучив краткий путеводитель, составленный немецким путешественником Д. Рольфсом, трижды посетившим Ливию начиная с 1865 г., открыл в 80 км на юго-запад от г. Мизда семь гротов с наскальными гравюрами и в 1971 г. опубликовал в Риме результаты своих исследований. Наиболее интересен древнейший период этой доисторической галереи. Здесь в натуральную величину изображены быки, страусы и многочисленные фигуры женщин. Последний сюжет определенно связан с культом плодородия и типичен для древнейшего периода наскальных рисунков. По мнению П. Грациози, изображения быков с выгнутыми вперед рогами в ливийских гротах близки по стилю и технике к изображениям быков в гротах Италии и юго-запада Франции на Средиземноморском побережье, датируемым самым концом палеолита. Любопытно отметить, что в пустыне Гоби советско-монгольская экспедиция в 60-х годах открыла палеолитическую живопись в пещере Хойт-Цэнкер, где изображены страусы, напоминающие ливийские рисунки. Хотя П. Грациози воздерживается от окончательных утверждений о времени появления первых наскальных гравюр в районе Мизда, бесспорно, что они являются одними из древнейших среди известных сейчас петроглифов Африки и, возможно, вскрывают еще одну сторону древних контактов трех континентов [2, с. 388].

В I тысячелетии до н. э. финикийцы, обитатели восточного Средиземноморья, начали колонизацию Северной Африки, основывая на побережье свои торговые фактории и поселения. Жившие в глубинных районах племена занимались земледелием и скотоводством, и появление ловких торговцев, имевших вы-

ход за море, было воспринято без особой враждебности, тем более что финикийцы вели в основном посредническую торговлю и не вмешивались во внутренние дела племен. Пришельцы вначале не интересовались глубинными районами и так мало знали о коренных жителях, что верили в фантастические сведения о происхождении нумидийцев и ливийцев, как они называли местных жителей, от персов, мидян и армян. В конце I тысячелетия до н. э. финикийцы основали на побережье в 120 км от нынешнего Триполи г. Лептис, жители которого поддерживали устойчивые дружественные отношения с местным населением. Именно от Лептиса, который получил впоследствии приставку «Магна», т. е. «Великий», в отличие от Малого Лептиса в Тунисе, шли караванные тропы в глубь страны как раз через те районы, где мы путешествуем. Одна дорога вела прямо на юг на г. Мурзук в глубине Сахары — нынешнюю столицу исторической провинции Феццан, вторая — на юго-запад на г. Мизда, лежащий на южной границе Римской Африки, и третья — круто на юго-запад до Гадамеса.

В сборнике «*Libya antiqua*» приводится короткая справка по истории Гадамеса:

«— Корнелий Бальб завоевал Гадамес. Известно, что этот римский полководец прошел в 19 г. до н. э. через Гадамес в Феццан и захватил Джерму, столицу гарамантов;

— II в. Гадамес обеспечивает связь с морем и поставку керамики. Некрополь в пределах города уже используется;

— Септимий Север (193—211). III легион стоял в Гадамесе. Римский император был родом из Магна-Лептиса и оказывал особые знаки внимания Северной Африке;

— IV—V вв. Расцвет цивилизации Гадамеса. Богатые люди города строят монументальные склепы;

— VI в. При Юстиниане Гадамес уже связан с римлянами договором; принимает христианство».

Продолжая рассуждения историков, можно предположить, что Гадамес представлял собой небольшое государство, которое поддерживало связи с Римом и странами Средиземноморья. Это нашло свое выражение в подписании соответствующих соглашений. Только во время оккупации III легиона Гадамес был несвободен, а во все остальные времена пользовался свободой. Это подтверждается археологическим и этнографическим материалом, внимательно собранным французским ученым Р. Ланфри, относительно существования князей Гадамеса [4, с. 90—91].

Раскопки в Феццане и Гадамесе дали обильные находки предметов торговли — гончарные изделия, стекло, лампы, монеты, — которые свидетельствуют о широком развитии этой торговли и о существовании уже в те времена торговых путей, ведущих с побережья через Сахару в Черную Африку.

А вдруг повезет и мне? Вот в красной земле я нахожу один круглый каменный шар величиной с голубиное яйцо, который вполне мог быть древним снарядом для пращи, и несколько

острых кремневых осколков, которые могли быть наконечниками стрел. Мне хочется в это верить. Ведь г. Мизда, где обнаружены наскальные рисунки неолитической пастушьей культуры, находится всего в 70 км от нашей стоянки.

После Налута мы спускаемся с отрогов гор и едем прямо на юго-запад к Гадамесу, вдоль высохших русел — «вади». В период больших дождей вади и их окрестности наполняются водой и приносят большие разрушения постройкам, не рассчитанным на такие атмосферные осадки. В начале марта 1988 г. наши газеты сообщили о большом наводнении в Алжирской Сахаре. Стихийное бедствие обрушилось на южные районы страны. Сахарский город Таманрассет и его окрестности оказались буквально затоплены водой в результате сильного ливня, который не утихал в течение почти 30 часов подряд. В городе частично было парализовано движение автотранспорта. Два человека погибли, многие получили ранения, а более 300 семей были эвакуированы из домов, оказавшихся под угрозой затопления.

Вади Джирджир, Зузам, Шаршув и др., находящиеся в этом районе Сахары, служат также и караванными тропами, а редкие деревья, растущие в них, дают приют людям и скудный корм утомленным верблюдам.

Дорога заметно идет вниз. Ведь Налут расположен на высоте 700 м, а поселок Синаван, в который мы въезжаем, имеет отметку 31 м над уровнем моря.

Вокруг раскинулась плоская, усыпанная щебенкой и галькой пустыня, которая называется у арабов «хаммада», а у туарегов — «тасили». Мы как раз находимся в западной части Красной Хаммады («Хаммада Хамра») и сейчас забираем все круче к западу, к Гадамесу.

Сахара по праву называется Великой пустыней, и уважение, которое она внушает коренным жителям, вполне оправданно. Ее площадь чуть меньше площади Европы, и на таком огромном пространстве Сахара, естественно, не может быть однообразной. Кроме щебнистых плато «хаммада», которые занимают вместе со скалами половину площади Сахары, здесь есть и «серир» — пространства, усыпанные окатанной галькой и песком, «себка», или «шебка», — сильно расчлененные плато с засоленными глинистыми отложениями, превращающиеся во время дождя в топкие болота, и «эрг» — большие участки, покрытые дюнами. В Аравии дюны передвигаются на 30—80 м в год. В Сахаре таких «резвых» дюн нет. Более того, ученые полагают, что большие дюны в ядре своем сложены твердыми породами и образованы, как и вади, в более влажный период.

На обочине старой, еще построенной итальянцами дороги я замечаю завалившийся дорожный столб — серый отшлифованный кусок гранита высотой в метр, похожий на ствол мортиры. На нем надпись: «Гадамес — 183 км; Триполи — 400 км». Дорога проходит по невысокому холму и сбегает вниз, туда,

где раскинулась унылая, серая, усыпанная щебенкой пустыня. На горизонте чуть различимы несколько пасущихся верблюдов и человек. За несколько километров отсюда в разреженном пустынном воздухе, под солнцем на фоне голубого неба они мне представляются кузнечиками и муравьем, затерявшимися на огромных пространствах. Как все-таки малы и ничтожны на фоне Сахары живые существа!

Все эти географические тонкости приходят мне в голову под мерное гудение автомобиля, с каждой минутой приближающего меня к цели путешествия. Еще несколько километров по отличной новой дороге, и мы упираемся в шлагбаум на развилке дорог: одна ведет в Гадамес, а другая — в Алжир, граница с которым проходит неподалеку отсюда.

Покрутив немного по улицам, мы упираемся в одноэтажное красное здание гостиницы, построенное в традиционном для пустыни архитектурном стиле. По углам возвышаются ступенчатые башенки; стены, двери и окна украшены растительным орнаментом и геометрическими фигурами. Здание прилегает к стене старого города и, видимо, специально строилось в этом месте, за городской стеной. Уже потом от директора гостиницы мы узнаем, что гостиница — бывший дворец итальянского маршала Бальбо, а гостиничные номера — бывшие комнаты отдыха для его гостей, которых сюда доставляли на самолете. Затерявшийся в Сахаре Гадамес не был обойден вниманием европейских колонизаторов.

4 марта 1915 г. в 64 км от Гадамеса, близ нынешней границы с Тунисом, в местечке, называемом «Баб», т. е. «Врата», произошло сражение между 250 всадниками из племен туарегов, мукараха, зинтан и авляд Махмуд под командованием Хадж Ахмеда и Махди Кифо и итальянским отрядом, насчитывавшим 1300 солдат. Итальянский отряд двигался в сторону Гадамеса. Узнав о приближении ливийцев, итальянцы окопались в районе колодца Умджазам и в течение трех дней отбивались от осаждавших их патриотов. Узнав о приближении подмоги итальянцам с юга, из города Гат, ливийцы решили взять приступом укрепления итальянцев. Была одержана победа, и итальянцы бежали в сторону нынешнего Туниса, бросая оружие и раненых. Племена зинтан и авляд Махмуд проживают к северо-востоку от Гадамеса, однако вместе с туарегами они вели борьбу против итальянских захватчиков. Это ли не доказательство общности исторической судьбы, интересов и целей ливийского народа, который объединил в себе различные племена!

На туристической карте, изданной в Триполи, на месте г. Гадамес нарисован человек с треугольным щитом и копьем, в синей просторной рубахе и белой чалме, закрывающей также нижнюю часть лица. Именно такими представляют себе туарегов, этих рыцарей пустыни, искусных караванщиков и торговцев. Об их происхождении продолжают спорить ученые, хотя

общие черты все же можно определить. В древности все жители Северной Африки, кроме Египта, назывались ливийцами. Ливийские племена постепенно смешались с финикийцами, которые осваивали побережье Средиземного моря, вовлекались в экономическую жизнь, принимали участие в военных действиях Карфагена и других финикийских городов. К V в. до н. э. этот конгломерат племен и народов стал более монолитным, причем господствующим в этой группе ливофиникийцев, как их называли древние греческие и римские авторы, был все-таки ливийский элемент. Потомки ливофиникийцев получили впоследствии название берберов. Ко времени арабского завоевания (VII в.) берберское население делилось на две группы — берберы зената, занимавшиеся скотоводством в пустынных районах, и берберы сан-хаджа, занимавшиеся земледелием. Арабы впоследствии ассимилировались с местными жителями и в результате такого смешения образовалось единое по своей культуре и языку арабо-берберское население. В этом людском море только в отдельных оазисах Сахары сохранились убывающие, как шагреневая кожа, островки чистого берберского населения.

Кочевники-туареги тоже считаются берберами, но они отличаются от берберов Большого Атласа или других районов Северной Африки. Знать туарегов Сахары очень строго ограждала чистоту своей крови, и, несмотря на их географическую близость к Черной Африке, они практически сумели избежать примеси негроидной расы. Туареги-кочевники высокие, до 174 см ростом, с длинными ногами и руками, удлинёнными лицами, узкими носами, светло-коричневой кожей, и лишь у тех, у кого присутствует негроидная кровь, кожа имеет темно-коричневый оттенок.

Я перебираю в памяти эти сведения о происхождении туарегов, готовясь к встрече с мэром Гадамеса. Мы сидим на открытой веранде бывшего дворца маршала Бальбо и зябко кутаемся в демисезонные пальто. В Гадамесе климат континентальный, и после захода солнца становится не просто свежо, а холодно. Недаром на каждую койку в гостинице нам положили по два одеяла. Мэр города оказался сорокалетним мужчиной, одетым в современный костюм, уверенно объясняющимся на французском языке. Он учился в г. Себха во французской школе, а затем продолжил образование во Франции. Он туареги, и ему, естественно, дорога история и культура этого народа.

«Гадамес основан более 5 тыс. лет назад,— говорит мэр.— О его древности свидетельствуют результаты раскопок на территории города, где ученые нашли стоянку древнего человека, следы пребывания греков и римлян. Город всегда жил караванной торговлей — взгляните на карту, где он расположен,— и сельским хозяйством. Недаром у нас говорят: у города Гадамес пригород Томбукту».

Томбукту находится в 2 тыс. км отсюда, в республике Мали,

на берегу р. Нигер. Именно туда караванщики Гадамеса во-
дили через Сахару свои караваны и, как я потом узнал, имели
там своих родственников, жен, детей и торговых агентов. По-
этому житель Гадамеса нередко ни разу не бывал в Триполи,
или на побережье, но несколько раз в своей жизни посещал
Томбукту или другие караванные станции Сахары.

«Вода у нас залегает неглубоко. Есть колодцы глубиной до
12 м,— продолжает мэр.— Другой водоносный слой расположен
на глубине 350—450 м. Но самая лучшая и обильная вода из
водоносного слоя Кикла, названного по имени городка недале-
ко от Ифрена. С глубины 980—1000 м вода идет под большим
напором».

Мэр сетует на то, что караваны сейчас уже не ходят и город
стал постепенно умирать. Туареги, которые были проводника-
ми, знали караванные тропы, колодцы, несли охрану, стали без-
работными. Колодцы, разбросанные в пустыне через каждые
30—40 км — дневной переход верблюда — разрушаются, зано-
сятся песком и илом, хотя разведение верблюдов именно в этом
районе продолжает вызывать интерес у жителей. Стоит пройти
небольшому дождю, и хаммада покрывается зеленой травой —
сюда везут на автомашинах овец, коз и верблюдов даже из
района залива Большой Сирт.

Прямо за стеной гостиницы находится источник Айн аль-
Фрас, главный и единственный в прошлом источник питьевой
воды и орошения. Его суточный дебит делился на 121 равную
часть, которая именовалась «тинка». Весь дебит распределялся
между пятью потребителями, но в разных пропорциях. Пять ка-
налов отводили воду на участки, где выращивались клевер на
корм скоту, овощи только для местного потребления. Меня по-
разила неравномерность распределения воды, которая сложи-
лась в древности, и сейчас никто даже не может вспомнить,
когда и как это случилось. Так, в канал Таску подавалась
81 тинка, в канал Тарт — 29, в Тинкабиш — 7, в Тиндифран —
3 и в последний, Тинханаун, — 1 тинка.

Клаус Полькен, немецкий журналист, в книге «В плену Са-
хары» приводит легенду об открытии источника в Гадамесе:
«Когда-то, утверждают в Гадамесе, здесь обитало могучее ко-
чевое племя, возглавляемое вождем Нимродом. Однажды слу-
чилось так, что член этого племени заблудился в пустыне. Пос-
ле нескольких дней скитаний он, обессилив, рухнул на землю.
Мысль о неизбежной гибели неотступно преследовала его. Вдруг
его преданная верблюдица ударила копытом по пустынной зем-
ле, и в тот же миг из недр земли забила струя прохладной,
прозрачной воды. Пустыня тут же покрылась изумрудно-зеле-
ным ковром, из земли поднялись пальмы. Источник же полу-
чил название „Айн аль-Фрас“ — „Верблюжий источник“» [3,
с. 199].

Клаус Полькен пересказал один из вариантов легенды, ко-
торую слышал каждый, кто побывал когда-либо в Гадамесе.

Здесь, правда, есть несколько фактических неточностей, которые, однако, не умаляют красоты этого рассказа. Так, например, скорее всего бедуин был на лошади, а не на верблюде, так как верблюд не имеет копыт — у него мягкая подошва, позволяющая передвигаться по пескам, и само название «Айн аль-Фрас» переводится как «Источник всадника», т. е. «фариса», который может быть только на лошади. Вызывает сомнение и имя вождя могучего кочевого племени в Северной Африке — Нимрод. Ведь Нимрод — правнук библейского Ноя, получивший в гл. 10 Первой книги Моисея лестную аттестацию «сильного зверолова пред Господом». По другому преданию, Гадамес был основан еще Авраамом, будто бы не нашедшим нигде в мире лучшего места. Скорее всего эти легенды общесемитского происхождения были занесены арабами в Северную Африку. Ведь древний Сидамус, как называли его римляне, пал под ударами арабского полководца Амра бен аль-Анса во второй половине VII в.

Кстати, о происхождении нынешнего названия города нет единого мнения. Одни считают, что оно образовано от слова «кадами», где арабский корень «кадама» — прибывать, приходить. Другие производят его от латинских слов «ридамус» или «сидамус», а некоторые произносят «Сейид Амус», т. е. господин Амус. По одной из легенд, современное название «Гадамес» происходит от двух арабских слов: «гада» — обедать и «амс» — вчера. Говорят, что когда-то в прошлом караванщики устроились у источника обедать, затем собрали пожитки и тронулись в путь. И только на второй день обнаружили, что они потеряли большое блюдо. Стали думать-гадать и решили, что оставили его у источника Айн аль-Фрас, где они «вчера обедали», т. е. «гада амс». Посланный к источнику всадник действительно нашел потерянное блюдо.

Издалека кажется, что Гадамес спрятался в пальмовой роще. Здесь произрастает 35 сортов фиников. На крохотных участках, обнесенных глинобитными дувалами, всегда растет несколько пальм, орошаемых из этого источника. Пальмы утилизуются полностью. Ствол пальмы, называемый «саннур», распиливается на доски и используется для перекрытия в домах. Пальмовые ветви, называемые «джарида», идут на крышу, которая затем засыпается влажной землей. Из пальмовых листьев делается разная хозяйственная утварь: тарелки, крышки для тарелок, туески и др.

Сегодня в Ливии два Гадамеса: один старый, с темными переулками и кварталами, названными по имени населявших их больших семей, и новый город, построенный после революции 1969 г. за стеной старого. В старом городе, обнесенном двумя рядами оборонительных стен, сложенных из саманного кирпича, было 1400 домов. Первая, наружная, стена имела четверо ворот, вторая, внутренняя, — шестнадцать. Жители Гадамеса гордились, что в старом городе было 12 коранических школ,

которые по ливийской традиции называются «завия», т. е. обитель, и 11 мечетей.

Получив порцию информации о старом Гадамесе, мы начинаем его осмотр. Пустой, без единого жителя, с домами, закрытыми на замки и засовы, он производит гнетущее впечатление, хотя кое-кто и пытается представить его музеем под открытым небом. Некоторые стены и крыши обвалились. Однако темные улицы и переулки, которые образуют непонятный для нас лабиринт, не производят впечатления запущенного города, который не убирается. Наш гид объясняет, что жители, перебравшиеся в новый Гадамес, заходят в свои старые дома, которые остаются их собственностью, и продолжают по мере сил поддерживать их в жилом состоянии. В старом городе играют свадьбы, проходят похороны, отмечаются религиозные праздники.

Дома в старом городе сложены из саманного кирпича, называемого «туб». Кирпичи бывают разного размера, чаще всего $25 \times 40 \times 80$ см, и изготавливаются из земли с примесью соломы. В летний период кирпичи сохнут 15 дней и после этого считаются готовыми к употреблению. Наш гид утверждал, что на строительство обычного двухэтажного дома в старом Гадамесе шло около 25 тыс. кирпичей, около 800 погонных метров пальмовых балок, 10 тыс. пальмовых веток, 10 дверей и другого оборудования, что обходилось хозяину в 3 тыс. дин. Строительство каждого дома, несмотря на артельный метод и помощь соплеменников, называемую «рагата», продолжалось 7—8 лет. Однако дома старого города, сделанные из такого материала, постепенно разрушаются. Уже есть немало брошенных домов, хозяева которых либо уехали в поисках работы в другие места, либо стали немощны для такой тяжелой работы. И вот местные власти создали Комитет друзей старого города, в который вошли молодые интеллигенты и учащиеся начальных и средних школ. Цель Комитета — сохранить город, тем более что он объявлен ЮНЕСКО культурным достоянием всего человечества. На разработку проекта спасения старого Гадамеса было израсходовано 230 тыс. долл. В 1986 г., когда я там оказался, никаких работ не велось, и местные жители в основном уповали на Комитет друзей старого города.

Видимо, не случаен сегодня интерес к прошлому своего народа, его истории и культуре, особенно со стороны молодежи, желающей сохранить память о прошлом для себя и будущих поколений. Это явление характерно для всех стран и народов. И было чрезвычайно приятно познакомиться с бойскаутами, которые на одно из первых мест в своей работе выносят сохранение самобытной культуры древнего Гадамеса. В информационном листке, изготовленном 10 октября 1985 г. по случаю открытия Дома бойскаутов в Гадамесе, говорилось, что обряды местного населения по радостным и грустным поводам, религиозным праздникам и другим событиям не имеют аналогов

и древнее самого города. Далее приводились такие примеры: в Гадамесе поется 640 различных по словам и мелодиям песен, причем эти песни сопровождают человека на всем протяжении его жизни, ибо связаны с его трудом и бытом. Свадьба в Гадамесе продолжается 15 дней, и каждый день исполняются разные песни. Более того, каждая семья в городе имеет свою песню, которая исполняется на гадамесском диалекте. «Наше обширное культурное наследие пережило века и сохранилось до сегодняшних дней», — заканчивает автор. И невольно хочется продолжить: неужели мы не сможем сохранить для потомков то, что получили от своих предков? Ведь в этом весь смысл. В этом, если хотите, историческая миссия молодежи.

Наш гид Ахмед Касем Дави подарил мне карту старого Гадамеса, которую он помог сделать шведской экспедиции, посетившей эти места в 1961—1962 гг. На карте город разделен на семь кварталов. Стержнем каждого квартала является улица — «шара», от которой отходят переулки — «зенга». Три квартала — таску, дарар и мазиг — относятся к берберскому роду бен валид, другие четыре квартала — тафарфара, джарсан, авляд абу лейль и тангазин — к роду бен вазит. Члены обоих родов считаются коренными жителями Гадамеса, говорят на гадамесском диалекте берберского языка, хотя здесь в ходу также арабский язык, местный туарегский диалект — ифигаз и язык хауса. На одной из карт, сделанных шведской экспедицией, от Гадамеса в сторону Туниса прочерчена дорога, по обе стороны которой разбросаны черные квадраты домиков. На карте указано, что это район туарегов. Видимо, караванщики, которые прибывали в город с товарами, оставляли здесь своих верблюдов. В сам Гадамес, обнесенный стенами, с узкими темными улицами и закоулками, верблюдов с поклажей, конечно, пройти не мог.

Три квартала, принадлежащие роду бен валид, расположены компактно в северной части старого города и отделены от остальных двумя мечетями, одна из которых — мечеть Юнеса (построена в IX в.), при ней имеются оригинальные кабинеты для омовения. Из рассуждений гида я понял, что самая уважаемая семья — таску, хотя бы потому, что из 121 доли воды из источника ей передавалась 81, т. е. $\frac{2}{3}$. Квартал таску, состоящий из 24 переулков и тупиков, стал объектом налета французской авиации 16 сентября 1942 г. Именно к этому кварталу прилегало здание итальянского консульства и резиденция маршала Бальбо, о чем французам было хорошо известно. В результате бомбежки было разрушено 400 домов и убито 43 человека из числа жителей Гадамеса, но никто из итальянцев не пострадал.

Мы идем по темным переходам улиц семи кварталов, выходим на площади, которые были центром сбора всех членов одной большой семьи. Некоторые семьи, например тангазин, имеют две площади. Владения этой семьи начинаются сразу за мече-

тями и в одном месте смыкаются с владениями таску. В старом городе есть и небольшой рынок: вокруг квадратной площади расположились лавки, которые сегодня закрыты ветхими ставнями. На одной из улиц рядом с рынком гид показывает углубление в стене и большой крюк над головой, вбитый в толстое пальмовое бревно. На крюк подвешивали весы вроде нашего безмена, а в нише ставились весы, которые считались эталонными. На больших весах взвешивалась поклажа, а иногда даже золото, поскольку в Гадамесе оно доставлялось в огромных количествах. Этим делом занимался амин аз-захаб, т. е. секретарь по торговле золотом, который отвечал за сохранность и точность «золотых весов».

Вообще наш гид утверждает, что многие торговые термины и понятия выдумали жители Гадамеса, во всяком случае такие, как паспорт, виза, часы, почта, «свободный рынок», т. е. без пошлин и налогового обложения, весы и многое другое. Трудно установить, кто первый ввел в практику эти понятия. По-видимому, будет правильно сказать, что караванщики Гадамеса были хорошими торговцами и использовали все достижения своего времени для ее организации. Достаточно отметить, что финикийцы после основания Карфагена на территории нынешнего города Тунис в начале IX в. до н. э. подписали с жителями Гадамеса торговый договор, признав тем самым его значение как перевалочного пункта транссахарской торговли. Для облегчения расчетов была введена специальная десятичная система, изобретение которой приписывается Гадамесу, входящая к счету на пальцах. «Один», «два», «три», «четыре» — изображались вертикальными палочками, «пять» — вертикальным полукружием, а «десять» — кружком. «Пятьдесят» изображалось значком, похожим на нашу двойку, сотня — на нашу шестерку, тысяча — на восьмерку и т. д.

На север от старого города построен совершенно новый город с кварталами домов, сложенных из кирпича, но с сохранением норм и традиций архитектуры Гадамеса. По углам домов возвышаются конусообразные башенки, охрой нанесены геометрические и растительные орнаменты. У каждого дома стоит автомашина.

Мэр города откровенно гордится успехами. Если раньше во время дождей улицы старого города, да и его пригородных кварталов, на месте которых вырос новый город, превращались в болота с красной жижей, то сейчас этого уже не случается. В новом городе дороги асфальтированы, а их общая протяженность — 750 км. Уже построено 800 домов. Каждый житель может получить ссуду для индивидуального строительства или встать на очередь и дожидаться получения одного из новых домов, которые строятся иностранной компанией. В 1985 г. старый город, который насчитывал 1400 домов, был освобожден полностью. Это значит, что 1400 семей, как минимум, переселились в новые дома.

Жители Гадамеса справедливо гордятся новой больницей на 80 коек. Небольшое уютное одноэтажное здание оборудовано самым современным медицинским оборудованием и приборами западногерманского производства. Такая больница, в которой, кстати, работают польские врачи, могла бы украсить любой европейский город.

Многое сделано и для молодежи. Построен новый Центр бойскаутов, который имеется в виду использовать для приема делегаций бойскаутов или аналогичных организаций из других стран. Я был удивлен, когда мне сказали, что в Гадамесе еще до антимонархической революции 1969 г. были смешанные школы, где учились мальчики и девочки. Это факт, безусловно, примечательный и свидетельствует о том, что женщина здесь, в пустыне Сахара, имела больше прав, чем на побережье. Сейчас в Гадамесе нет неграмотных даже среди взрослых. Все шестилетние ребята — мальчики и девочки — ходят в школу. Работает медицинское училище, где учится около двадцати девочек на медицинских сестер. Они же, получив специальное образование, работают в административном аппарате, в школах, в магазинах.

Строительство нового города обошлось правительству сравнительно недорого, так как он расположен компактно, что дало экономию при сооружении системы коммуникаций, водопровода и канализации. «Мы работаем в пустыне, но мы — городские жители, — подчеркнул мэр. — Поэтому, сколько бы мы ни бродили с караванами по пустыне, мы возвращаемся домой, в Гадамес, который не должен умереть».

«Вопрос о трудоустройстве у нас стоит очень остро, — заканчивает мэр. — Караванов нет, сельское хозяйство развивается слабо из-за недостатка хороших земель, транспортные расходы велики, так как приходится издалека возить сырье, оборудование и налаживать производство. Но что-то делать надо. Мы не хотим, чтобы город умирал».

И вот мои друзья излагают планы создания в Гадамесе туристического центра. Для этого нужна хорошая гостиница. Дорога есть, первая очередь аэродрома построена, и на нем могут приземляться современные реактивные самолеты.

По совету местного начальства мы идем осматривать новый туристический центр, расположенный в одноэтажном доме. Большинство лавок пустуют, только в двух работают сапожники и в одной — мастер по серебряным украшениям. Внимание к сапожному делу не случайно: ведь город Гадамес иногда называют даже сейчас «Мадинат аль-джулуд» — «Город кожи», а среди проектов развития есть планы создания кожевенной фабрики. Однако мастера Гадамеса делают особенную обувь, только ту, которую надевает невеста в день свадьбы и затем прячет ее в глубь сундука, с тем чтобы когда-то полюбоваться ею и вспомнить это торжество.

В лавке на стульчике сидит древний дед с большой седой

бородой. В воздухе чувствуется сильный запах эвкалипта. На примусе стоит большая жестяная банка из-под порошкового молока, в которой лежат чуть прикрытые желтой водой листья этого растения. Наши предположения о каких-то оригинальных обрядах, связанных с воскурением благовоний, разбиваются о суровую действительность: дед простужен и просто лечится. Банка с эвкалиптом на примусе действует как ингалятор.

На небольшой полке стоят башмаки, изготовленные ремесленником. Вот «бальга» — туфли, сплошь расшитые красными и зелеными нитями, с металлическими заклепками. Задник у них загнут внутрь и прибит гвоздем: можно ходить без задника или, вырвав гвоздь, надеть как обычные полуботинки. Бальга надевают и мужчины и женщины. В таком же художественном исполнении, сплошь расшитые желтыми, красными и зелеными нитями, делаются и женские сапоги высотой до икр и со шнуровкой впереди. Эти сапоги, называемые «саббат», невеста надевает в день свадьбы, и некоторые девушки даже сегодня отказываются выходить замуж, если родители не купят ей таких сапог. Правда, иногда отец девушки, да и она сама, прикоснувшись к современной цивилизации, пренебрегают этим древним обычаем, но тут в дело вступает мать и нередко вопреки воле мужа заставляет дочь купить сапоги и надеть их на свадьбу. По-видимому, эта деталь туалета невесты имеет какой-то смысл, скорее всего символизирует будущее семейное счастье и благополучие. Интересно отметить, что эти сапоги не только пользуются спросом у невест Гадамеса, но и покупаются женщинами Налута, города, расположенного на восточных отрогах Джебель Нефуса, в 320 км от Гадамеса. Причина должна быть очень веской: ведь эти сапоги, которые по нынешним ценам стоят дорого, надеваются только раз в жизни, да в них практически и нельзя ходить.

Мастер охотно рассказывает о своем производстве. Вот «гальб» — колодка. Заготовки дома расшивают женщины, и затем он уже в зависимости от размера делает бальга, саббат или «таллик», как называются в Гадамесе шлепанцы. Все делается на заказ и сразу забирается. Среди его немногочисленных изделий я вижу несколько расшитых кошельков, называемых «сальфа». Тут только я замечаю, что инструмент у мастера архисовременный: японский сапожный нож с подстройкой длины лезвия, набор английских иголок для шитья по коже, западногерманский клей, — и даже газовый примус, на котором кипит банка с эвкалиптом, сделан в Южной Корее. И все эти предметы, сработанные на современных предприятиях в тысячах километров отсюда, служат старому ремесленнику в затерянном в Сахаре городке для того, чтобы изготовить расшитые сапоги для невесты, которые будут надеты всего один раз! Это ли не доказательство живучести древних обычаев, смысл которых ускользает от большинства из нас за суетой и ритмом современной жизни.

Наш следующий визит — в двухэтажный дом старого города, прямо за городской стеной, который хозяин показывает туристам. Все остальные дома закрыты, и туда не принято водить посторонних. Что касается этого дома, то он, можно сказать, уже стал туристическим объектом. Как и все дома, он сделан из саманного кирпича, стены обмазаны глиной и разрисованы типичным сахарским орнаментом. Через низкую входную дверь попадаем в темную прихожую, откуда ведут двери в кладовые для зерна, утвари и, видимо, скота. Внутренние помещения и лестница на второй этаж побелены известью, называемой «милус».

Центральной частью дома является гостиная, в которую попадаешь сразу с лестницы. В потолок лестницы на всем протяжении двух пролетов вкраплены разноцветные осколки фаянсовой посуды. Дверей нет, и в дверном проеме на уровне человеческого роста справа сделано углубление, где стоит горшок, называемый «бухур», для воскурения благовоний, а с другой — масляный светильник, называемый «энар». Воскуряют, как правило, изготавливаемые в Гадамесе по местному рецепту благовония, называемые «уд гумари». Словом «уд» в арабских странах называют сандаловое дерево, и, по-видимому, оно и лежит в основе этого воскуряемого вещества. Расположение светильника и горшка для благовоний глубоко символично — они должны не допускать злых духов, которые могут попытаться проникнуть в дом: ведь благовония отгоняют дьявола и питают богов, обитающих, по древнесемитским представлениям, на небесах. Огонь и свет всегда считались очищающей субстанцией во всех религиях.

Потолок в гостиной очень высокий, в два этажа. Перекрытие сделано из пальмовых досок и лап. Под потолком треугольные и квадратные отверстия служат для вентиляции и освещения, так как окон или других источников света в комнате нет. Все стены гостиной увешаны небольшими, диаметром 15—20 см, медными тарелками, называемыми «таманаст». Раз в год в мусульманский праздник — день рождения пророка Мухаммеда — эти тарелки снимаются и начищаются до блеска. Наш гид объяснил, что тарелки служат как бы отражателями света, дающего из отверстий под потолком. Этим же целям, по словам гида, служат несколько больших зеркал в багетовых рамах и многочисленные их осколки, вмазанные в стены на лестнице и в гостиной. Последнее объяснение мне кажется несколько упрощенным. Дело в том, что зеркало в представлении многих народов, восходящих к примитивным религиям, в том числе и русского, может отражать только сущее, телесное, и любой оборотень или злой дух, принявший человеческий образ, не имеет зеркального отражения, а следовательно, будет сразу разоблачен. По представлению туарегов и жителей Гадамеса, пустыня населена добрыми и злыми духами, и недаром на каждом перевале или трудном переходе они ставят доброму духу камень,

чтобы он не забыл их своими милостями. Ну, а если злой дух проник в город, в дом? Как его можно разоблачить! Только посредством зеркала, в котором он не отражается. Возможно, мое заключение несколько поспешно, но зеркала были важными предметами торговли, которые развозили по пустыне туареги и караванщики из Гадамеса.

В правом углу гостиной выделена крошечная комнатка размером два на два метра, вся застеленная тюфяками и коврами. Над ней сделан небольшой свод в виде купола, и поэтому она так и называется — «кубба» (купол). Вход в нее открытый, без дверей, украшен орнаментом. Это место первой брачной ночи, куда после свадьбы попадают жених и невеста. Здесь же женщина после смерти мужа сидит в траурных одеждах, как нам сказали, 4 месяца 10 дней.

Под одной крышей с гостиной находится кладовая с наиболее ценным имуществом. Вот верблюжье деревянное седло, называемое по-туарегски «тарик», что значит «дорога», небольшой глиняный горшок, именуемый «акус», а по-арабски «кадах» — кстати, есть в арабских странах такая мера сыпучих веществ. Поскольку жизнь города связана с караванной торговлей, то здесь много элементов верблюжьей сбруи, названия которых мне говорит хозяин по-туарегски: «тагант» — повод узды для верблюда, сделанный из простой кожи, «тигунен» — повод той же узды, но богато украшенный кистями из цветной кожи. Вот бурдюк для воды — «таживерт» и переметная сума для верблюда — «агрудж», вот туарегские тапочки с ремешком, охватывающим большой палец, на широкой подошве, называемые «игатеман». Тут же и нехитрые кухонные принадлежности: сито с кожаным дном — «гурбан», деревянная ложка — «тсукальт», конусообразная крышка, плетенная из пальмовых листьев, — «тавалилт», которой прикрывают еду на тарелках, чтобы она не пылилась и не остывала. Последнее — уже городское изобретение и к кочевникам отношения не имеет.

Среди кухонной утвари вдруг замечаю кинжал, называемый «тейлак». Еще в музее в Триполи я видел несколько кинжалов туарегов, по форме отличающихся от общепринятых клинков, видимо, из-за того, что туареги носят это оружие несколько необычно. Маленькие кинжалы прикрепляются к левой руке выше локтя, на бицепс. Более крупные кинжалы вкладываются в левую ладонь рукояткой таким образом, что лезвие идет вдоль руки, до подмышки. У больших кинжалов туарегов металлическая планка, разделяющая обычно клинок и рукоятку, делается на наружном конце рукоятки. Именно за эту планку туарег выхватывает свой кинжал из левого рукава. На всех картинах туарегов изображают в просторных плащах, со щитом и большим копьём. Ведь в широких плащах можно спрятать сколько угодно холодного оружия.

Последний объект в доме — «ажурер», т. е. кухня, сделанная в виде пристройки на крыше дома. Кухня топится дровами и

кизяком по-черному, и сверху сделаны отверстия, через которые выходит едкий дым. Очаг представляет собой продолговатую скамью из глины, прижатую к наружной стене, с четырьмя разновеликими отверстиями для горшков. Каждый горшок — «кыдр» — по размеру соответствует отверстию, называемому «мансаб». Может быть, это случайно, но «мансаб» по-арабски переводится как «чин», «должность».

Больше всего меня поразили орнаменты, которыми разрисованы внутренние стены домов. В традиционной культуре жителей Гадамеса, истоки которой теряются в глубине тысячелетий и которая впитала в себя представления кочевников, жителей оазисов Сахары, в том числе и туарегов, арабов и других народов, символы всегда играли огромную роль в повседневной жизни. Они призваны оберегать от злых духов и, наоборот, поощрять добрых на добрые дела, способствовать сохранению здоровья, давать удачу в торговле, охоте и бранных походах. Вот орнамент в виде солнца с загнутыми по ходу часовой стрелки семью лучами. Это символ вечного движения, вечной жизни, причем число «семь» тоже несет в себе большой смысл, который восходит еще к религиозным представлениям древних жителей Месопотамии. Да и у нас семерка — не простое число. Вспомните — «семь раз отмерь, один раз отрежь», «у семи нянек дитя без глазу» или «семь верст до небес».

Не только сами геометрические и растительные орнаменты, но и краска, которой они сделаны, видимо, несут в себе определенный смысл. Вот большой, вытянутый острием вверх, неправильной формы ромб, разбитый еще на четыре ромба. Два ромба — верхний и нижний — выкрашены в зеленый цвет, два остальных по бокам — в желтый. От верхней точки отходит вертикально одна толстая линия, которая заканчивается рогулькой. Две другие идут в стороны и перечеркнуты короткими поперечными линиями. Не знаю, как Вам, но мне представляется, что автор изобразил что-то похожее на огород или сад, где зелень символизирует жизнь, траву, воду, а желтый цвет — пустыню. Не случайно именно от зеленого поля идут вертикальная линия и две боковые, что вполне может изображать пальму и ее листья — самое большое и полезное дерево в пустыне.

Другой орнамент не менее интересен. Он представляет собой квадрат, перечеркнутый крест-накрест широкой, закрашенной охрой полосой. И только в верхнем треугольнике поставлены две яркие синие точки. Думаю, здесь символика вполне ясная. Изображены, вероятно, два источника или колодца и пересекающиеся в пустыне караванные тропы.

В конце прошлого века в Гадамесе побывал наш соотечественник врач А. В. Елисеев, который был очарован «полумифическим», «первым городом настоящей Сахары». Даже при относительно оживленном движении караванов его поездка была все-таки смелым предприятием. В то время Гадамес посе-

тило всего несколько европейцев, но старый караванщик Ибн-Салах, узнавший, что А. В. Елисеев принадлежит к уважаемому даже в пустыне сословию врачей, взялся организовать эту поездку, имея в виду использовать его медицинские познания для лечения своей семьи. Надо думать, что А. В. Елисеев знал, на что он идет. В 1881 г. туареги уничтожили миссию Флаттерса, трех миссионеров и одного путешественника по имени Дюшере. Но А. В. Елисееву было также известно, что полковник Флаттерс, имевший сотни верблюдов и десятки хорошо вооруженных людей, с точки зрения туарегов, посягал на их свободу и независимость, поэтому его участь была заранее предпрешена.

Мне на память приходит описание Гадамеса, сделанное А. В. Елисеевым, очень тонко подметившим особенность этого города: «Представьте себе массу зданий небольших, построенных из глины и сырца и сливающихся между собой почти в одну сплошную массу, перерезанную лишь немногими открытыми улицами и маленькими площадями, разделяющими не отдельные ряды домов, а целые кварталы. В этих последних уже нет даже тех кривых и тесных улиц, которые так характерны для всех городов Востока, а лишь одни темные коридоры, перерезывающие во всех направлениях тесно слившуюся между собой массу домов Гадамеса. Эти коридоры вовсе не похожи на крытые сводчатые улочки многих городов Востока, все-таки освещаемые дневным светом; это скорее ходы подземных галерей, в которых ходят с фонарем даже в течение дня. Немногие отверстия вроде шахт, сделанные в толще сводов этих туннелей, пропускают слишком мало дневного света в глубину улиц Гадамеса, которые предназначены почти исключительно для пользования мужчин. Прекрасная половина населения Гадамеса в противоположность мужчинам, обреченным ходить во мраке подземных галерей, имеет постоянное пребывание на террасах своих домов, правда отгороженных небольшими стенами, но вместе с тем соединенных между собой так, что образуется обширная площадь, тянущаяся над всем подземным Гадамесом. Эту поверхность террас можно сравнить с верхним доком корабля, предназначенным для пользования пассажиров высшего класса, тогда как подземные галереи, пересекающие также весь город,—с трюмными помещениями для непривилегированных пассажиров. Старый мудир очень остроумно назвал всю площадь террасы, образующую настоящие улицы, переулки и целые кварталы, верхним или женским Гадамесом в противоположность нижнему — мужскому.

В туннели подземного города позволяется, впрочем, спуститься не только рабьям, имеющим право пользоваться ими наравне с мужчинами, но и свободным женщинам в исключительных случаях» [1, с. 227].

Наше пребывание в Гадамесе закончилось на высокой ноте: мы получили приглашение на свадьбу и на концерт местного

ансамбля, который побывал в Москве в 1985 г. и принимал участие в вечерах советско-ливийской дружбы.

Свадьба, как и во всех мусульманских странах, раздельная. Мы попадаем в отгороженное от улицы палаткой место, застеленное коврами. В центре горит костер, и его неровные всполохи освещают сидящих вокруг туарегов в широких, цвета индиго плащах и белых чалмах, называемых «лисам исанджад». Все сидят молча, как большие куклы, и смотрят на огонь, который поддерживает молодой парень, подбрасывающий смолистые сучья пустынных кустарников. Нас угощают сладким чаем в маленьких стопках с пенной шапкой. Из беседы с соседом, лица которого я не вижу, узнаю, что невесте четырнадцать лет, жениху — двадцать один. Невеста находится с женщинами в небольшой палатке, поставленной прямо перед новым домом в сотне метров отсюда. А жених — «где-то здесь». Мой собеседник приоткрывает у подбородка свой белый платок и подносит ко рту стопку чая.

Насчет этого платка и обычая туарегов закрывать лицо существует несколько объяснений, причем почти каждый европеец, встретившись с туарегом, непременно задает вопрос, почему мужчины закрывают лицо, а их женщины нет, хотя и являются мусульманками. Самое распространенное объяснение связано с тем, что туарег закрывает лицо от пыльной бури, которая нередко случается во время долгих переходов по пустыне. Затем он, мол, так привыкает к своей белой чалме, что перестает ее снимать даже дома, хотя во время еды ему приходится проделывать неудобную операцию и подносить ко рту пищу и чай снизу, приоткрывая чуть-чуть свой белый платок. В самом Гадамесе мне объясняли, что мужчины начинают носить такую белую, а в некоторых случаях голубую чалму с пятнадцатилетнего возраста, после праздника, который устраивают его родители. В этом возрасте мальчик уже становится мужчиной и может принимать участие в войне, жениться и водить караваны. Если это объяснение соответствует действительности, то чалма надевается именно после обряда инициации, которым многие африканские народы отмечают совершеннолетие. Если у мальчиков это событие приходится на 15 лет, то вполне вероятно, что у девочек оно происходит на год раньше, в 14 лет — именно столько лет невесте на нашей свадьбе.

Отвечая на вопрос, мой собеседник говорит, что в прошлом он сам ходил с караванами в Томбукту и Кано (на севере современной Нигерии). По его словам, до Кано караван делает 90 дневных переходов, называемых «мархаля», причем каждая мархаля равна 30 км, примерно столько, сколько может пройти груженный верблюд. До Томбукту караван делает более 90 переходов, причем и в первом и во втором случаях караванщики могут два-три дня отдыхать у колодца. Уже в гостинице я посмотрел на карту, нашел Томбукту и Кано. По прямой линии от Гадамеса до Кано 2100 км, до Томбукту — 1800 км. Но ведь

караваны не ходят по прямой, и поэтому не случайно дорога у них занимает более трех месяцев в один конец.

Караваны бывают разные — от 25 до 1000 верблюдов. Есть специальная порода грузовых верблюдов, которые поднимают до 200 кг груза. Но больше всего ценятся беговые верблюды, которые называются махрийцами — по имени провинции Махра в Южном Йемене, где их специально разводят. Правда, сейчас беговых верблюдов разводят и в Сахаре, но они по традиции называются махрийцами, ибо все-таки в родословной каждого бегового верблюда обязательно должен присутствовать махриец. Сейчас один верблюд стоит 400 ливийских дин., но махриец — дороже. Верблюд для кочевника — не только средство передвижения. Это друг, напарник, с которым можно поговорить во время продолжительных переходов, спеть ему песню. Верблюд ценою своей жизни может в пустыне спасти умирающего от жажды человека. Рассказы о глотке крови из шейной артерии верблюда или воде из его внутренностей положены в основу многих устных рассказов и легенд.

Оформление брака у туарегов не отличается от этой процедуры у других мусульман. При свидетелях и чтении Корана заключается брачный контракт. От имени девушки его подписывает ее поручитель — вакиль, которым может быть отец, старший брат или дядя.

Вечером, накануне нашего отъезда, в гостевом доме был устроен концерт местного самодельного ансамбля. Музыканты сидели в углу, закутанные в свободные плащи туарегов и другие одежды, которые символизировали единство всех племен и народов. Вот синий плащ «суб», или «ткамис», шерстяная накидка с капюшоном «бурнуса», длинная, до пят, рубаша «галабия» и белое одеяло «джарт». Музыканты поют и подыгрывают на бубнах, барабанах и местной однострунной скрипке, называемой «имзад». Перед ними танцуют четверо юношей, у одного узкие, как у монголоида, глаза, но кучерявые волосы негроида. Один солист в широкой расшитой рубаше идет по кругу, припадая на одну ногу, затем подпрыгивает и начинает кружиться волчком.

Меня поражают не столько танцы — в них есть и африканские и арабские элементы, — сколько наряд исполнителя — квадратная рубаша с прорезью для головы, в которую он ловко влез прямо у нас на глазах. Слева на рубаше две длинные, почти до подola, сходящие на нет полосы, вышитые синими нитками. Левее от этих двух полос вышит квадрат, разбитый на девять маленьких квадратов, из которых семь затянуты зеленоватой гладью шелковых ниток. Под квадратом что-то похожее на изображение елки, и внизу, на уровне окончания полос, изображен трехлистник нашего клевера. На правой стороне — два круга, причем второй в центре разделен на четыре сегмента, три из которых тоже вышиты гладью. Что означает весь этот набор орнаментов, вышитых голубыми и зеленоватыми нитками,

узнать не удалось, хотя у меня нет сомнений, что все это имеет свой глубокий смысл.

Концерт в полном разгаре. Входят и уходят зрители, барабанщики колотят руками по своим инструментам, солист до изнеможения крутится на одной ноге вокруг своей оси в развевающейся рубахе.

Завтра мы уезжаем, и мэр Гадамеса, сказав несколько подходящих к случаю любезных слов, дарит мне вышитые башмаки с приколоченными задниками и огромную «сахарскую розу». Этим словом в Северной Африке называют кристаллы гипса, которые находят в песке, где под влиянием воды и последующего испарения они приобретают различные, похожие на бутоны или раскрывшиеся цветы формы. Я видел в Тунисе, на берегу гавани, где был расположен древний Карфаген, гору этих маленьких розочек, разложенных для продажи туристам. В Ливии собирать такие сахарские розы запрещается, и поэтому я был несказанно рад этому подарку. Наш неизменный гид по Гадамесу семидесятипятилетний Ахмед Кесем решил также доставить нам удовольствие, заметив, что эта роза привезена из района Абалесса и вырыта недалеко от могилы умершей в IV в. королевы туарегов по имени Тин-Хинан, потомками которой они себя считают.

Л и т е р а т у р а

1. *Елисеев А. В.* По белу свету. СПб., 1896.
2. Наука и человечество. М., 1973.
3. *Полькен К.* В плену у Сахары. М., 1973.
4. *Libya antiqua.* Vol. 13—14. Tripoli, 1976—1977.